

Священникъ О. Евѳимій Владиміровъ.

(По случаю 10-лѣтія кончины).

13 Октября настоящаго года исполнилось 10 лѣтъ со дня кончины священника Воскресенской Казачьей церкви г. Семипалатинска о Евѳимія Владимірова. Имена многихъ покойниковъ за эти 10 лѣтъ уже забыты, или помнятся только близкими людьми усопшихъ, но память объ о. Евѳиміи живетъ, хотя не осталось здѣсь у него родственниковъ. Доселѣ въ помянникахъ значится имя іерея Евѳимія; доселѣ не зарастаетъ трона къ его могилѣ, гдѣ поставлены его почитателями два памятника (въ сѣверной сторонѣ у алтаря Воскресенской церкви), доселѣ заботливою рукою его почитателей зажигается—теплится лампада тамъ; теплится, значитъ, и любовь къ этому смиренному, доброму пастырю-труженнику. „Нѣтъ теперь батюшки Евѳимія, не съ кѣмъ посоветоваться“, слышала я нынѣ лѣтомъ признаніе одной женщины. „Охъ я грѣшная“, выразилась другая при воспоминаніи о немъ: „недостойна я была омыть ноги батюшкѣ и пить воду грязную послѣ омовенія“. Какъ въ природѣ благодѣтельность теплоты солнечной мы иногда не замѣчаемъ и только, когда пахнетъ холодомъ, цѣнимъ ее, такъ незамѣтное служеніе о. Евѳимія, его ласка, любовь оцѣнились только уже по его кончинѣ. Внутри онъ горѣлъ тѣмъ огнемъ, который Иисусъ Христосъ пришелъ низвести на землю, и сильно желалъ, чтобы онъ возгорѣлся (Луки XII, 49).

У гроба почившаго О. Евѳимія сказались и популярности его и, выливаясь въ горячихъ слезахъ, любовь къ нему. Миѣ лично въ первый разъ пришлось видѣть такія похороны, такую многочисленную толпу народную, такое горькое сожалѣніе къ почившему и благоговѣніе къ нему, выразившееся нѣкоторыми въ цѣлованіи его ногъ. Слово „батюшка“, вырвавшееся изъ груди среди воплей, носило истинный характеръ, раздирало душу.... И надъ этой тысячной толпой, окружавшей гробъ, чувствовалось неумирающее обаяніе любящей души усопшаго добраго пастыря; чувствовалось, что „пожертва была смерть побѣдою“; горечь разставанія раство-

рялась упованіемъ, что почившій честно исполнилъ свой долгъ и имѣетъ право перейти въ мѣсто покоя и радости. Нужно сказать, что самая кончина О. Евѳимія явилась выраженіемъ къ нему милости Божіей: часа за два только до кончины онъ въ храмѣ совершилъ литургію — вкусилъ залогъ безсмертной жизни въ Св. Тайнахъ; послѣ литургіи отиѣлъ старушку и проводилъ ее на кладбище; продрогшій отъ холода (утромъ выпалъ снѣгъ), придя домой, не вкусивъ пищи, онъ прилегъ и тихо-тихо отошелъ къ Господу... Такой завидной кончины удостоиваются немногіе. И эта кончина была ожидаемая: О. Евѳимій готовился къ ней, говорилъ о ней другимъ: онъ закупили и провизіи къ своимъ именинамъ и поминкамъ. Его хоронили въ день его Ангела, преподобнаго Евѳимія, 15 октября; минуло ему 70 лѣтъ.

Лично О. Евѳимія я встрѣчалъ, какъ говорилъ и въ надгробномъ поученіи, разъ 5, не болѣе. Меня, какъ человѣка, только что пріѣхавшаго, новаго, удивляла ревность настырская въ о. Евѳимія: при своихъ молодыхъ лѣтахъ онъ постоянно при дѣлѣ: послѣдуетъ служить и въ церкви, и въ домахъ, и въ поселкахъ (ихъ 5 числилось при Воскресенской церкви); его имя часто поминалось. Поразили меня его простота въ одеждѣ и обращеніи, благодушное настроеніе, любовь и доброта, свѣтившіяся въ старческихъ глазахъ его. Поразила я и его смиреніемъ, когда онъ, мой духовникъ и почтенный старецъ, смиренно поднялся со стула, когда я, бесѣдуя съ нимъ, за чѣмъ то всталъ. Помню еще, что во время общей бесѣды на Св. Ключѣ онъ сказалъ одну фразу, которая для бесѣдующихъ, можетъ быть, была незамѣтна, но навсегда врѣзалась въ моей памяти, такъ какъ коснулась тайниковъ моей души. Мое надгробное поученіе было выраженіемъ не моего только чувства, а и всѣхъ, окружавшихъ гробъ; мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорили послѣ, что я вѣрно понялъ и писалъ о почившемъ. (См. Омск. Епарх. Вѣд. 1902 г. окт.). Удивительно: О. Евѳимій заранѣе указалъ, кто будетъ писать о немъ. Сергій Ивановичъ Г., со словъ котораго я помѣщаю здѣсь воспоминанія, мнѣ говорилъ:

«Еще года за два до кончины о. Евѳимій говорилъ мнѣ, что пріѣдетъ молодой священникъ со скамейки и будетъ писать о немъ памятку. Мать моя переспросила:

„опись что-ли будетъ дѣлать?“ „Нѣтъ, не то говоришь ты, отвѣтилъ онъ: писать то будетъ Степанъ Митричъ (нашъ зять) да ты, Сергѣй Ивановичъ... Да я, вѣдь, неграмотный, замѣтилъ я. Неграмотный ты, да больше напишешь. И по кончинѣ о. Евѳимія у меня, говорилъ Сергѣй Ивановичъ, душа рвалась писать, повѣдать другимъ; кто-то меня какъ бы толкалъ писать, пачались какъ бы судороги отъ того, что храню тайну объ о. Евѳиміи, но не зналъ, куда идти. Пролывая слезы у гроба, я говорилъ: надо писать, надо писать. Разказалъ Вамъ, легче стало.“

Такъ вотъ что повѣдалъ мнѣ Сергѣй Ивановичъ изъ своей жизни и изъ жизни Степана Митрича (за достовѣрность слышаннаго могу ручиться, такъ какъ Сергѣя Ивановича Г. я зналъ съ хорошей стороны, какъ хорошаго христіанина; онъ умеръ холостымъ въ 1904 г.):

„Зналъ я, говорилъ онъ, о. Евѳимія лѣтъ 18 (онъ служилъ здѣсь въ г. Семиналатинскѣ всего лѣтъ 20), но лучше сталъ знать его съ 1889 г., когда я вышелъ изъ службы; а замѣчать за необыкновенными дѣлами, совершающимися по его молитвѣ, стали мы съ 1890 г. О. Евѳимій меня любилъ и называлъ просто Сережей. Нашу семью навѣщалъ онъ сравнительно часто; скорби, нужда какая, бѣжишь къ нему. У насъ часто были ссоры: сноха, жена старшаго брата Ѳеодора не любила мою мать и возстановляла и брата противъ нея. Въ 1890 г., у брата отъ головной боли заболѣли глаза и онъ ослѣпъ. О. Евѳимій, наставляя насъ, не разъ говорилъ намъ: „любите мать, любите ее, какъ можно любите ее.“ Бывало, какъ только повздорять, онъ и идетъ, хотя его и не зовутъ. „Ѳеодоръ, зачѣмъ ты ругаешь мать? стуча костью-посохомъ объ полъ, говорить онъ. Ты ослѣпъ изъ за матери и умрешь изъ за нея безъ покаянія.“ И правда: братъ Ѳеодоръ умеръ безъ покаянія, 38 лѣтъ, въ янв. 1895 г. О. Евѳимій былъ въ отъѣздѣ; искали, искали въ городѣ священника; не оказалось ни одного. А дней за 20 о. Евѳимій говорилъ больному: Ѳеденька, ты не заботься; скоро покупатель пріѣдетъ и мясо твое возьметъ.“

Въ 1883 г. лѣтомъ сильно захворала горячкой сестра, Пелагея Ивановна. Зять, Степанъ Митричъ, пріѣхалъ за священникомъ. Поѣхалъ о. Евѳимій, поѣхала туда и мать моя.

Ѣдутъ дорогой мимо поселка Стекланки. „Я сегодня свадьбу повѣнчалъ, надо заѣхать поздравить“, говоритъ О. Евѳимій. А мать и зять говорятъ: какъ же, батюшка, у насъ Целагея вѣдь умираетъ, умретъ безъ насъ, — надо ѣхать скорѣе. „Ну что же, ты, Оксюша, безпокоишься: безъ насъ Царица Небесная исцѣлитъ ее. Заѣзжай, Степанъ Митричь, говоритъ онъ зятю, погуляемъ на свадьбѣ то.“ А мать говоритъ: поѣзжай мимо, понужай лошадь.. Проѣхали мимо. Ѣдутъ, а сестра, почувствовавъ облегченіе, думаетъ: зачѣмъ мы священника-то звали, только лошадь замаяли. Заходятъ въ избу. „Ну, что, Целагея Ивановна, поправилась?“ Не совѣмъ, батюшка, больно все еще. „Ну, давайте, Богу помолимся,“ сказалъ О. Евѳимій, исповѣдалъ ее и она скоро оправилась.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Священникъ О. Евѳимій Владиміровъ.

(По случаю 10-лѣтія кончины).

Въ 1891 г. зять Степанъ Дмитріевичъ косилъ и убиралъ сѣно. Пришелъ праздникъ, середній спасъ (Преображеніе). Онъ сталъ работать. Сестра Пелагея говоритъ: „не будемъ работать — сегодня Спасъ.“ А онъ на жену разсердился и сказалъ: „у васъ все праздники.“ Сестра заплакала. На другой день послѣ обѣда зять захворалъ такъ сильно, что пять сутокъ былъ безъ ума, и работа остановилась. Когда сестра Пелагея извѣстила меня, что мужъ „въ худыхъ душахъ“, я попросилъ о. Евѳимія поѣхать къ больному. Пріѣхали. О. Евѳимій собралъ народъ, зажегъ свѣчи и пригласилъ помолиться, исповѣдалъ и причастилъ больного. „Полинька, сказалъ онъ сестрѣ, ты не плачь теперь: Богъ дастъ, черезъ три дня здоровъ будетъ“. Послѣ этого больной пить спросилъ, поднялся и теперь здоровъ. Тотъ же Степанъ Дмитричъ рассказалъ: какъ-то онъ исправлялъ должность церковнаго сторожа при Воскресенской церкви. Какой то проѣзжіи крестьянинъ далъ ему пятакъ на свѣчку, а онъ пятакъ этотъ истратилъ, купилъ табаку. Утромъ, говоритъ онъ, курю рано, часа въ 4 около ограды. О. Евѳимій идетъ, схватилъ камень, бросилъ и прямо мнѣ въ плечо, отшибъ плечо. «Это мнѣ за пятакъ,» спохватился я. Я раскаялся предъ о. Евѳиміемъ. Плечо поболѣло, но потомъ прошла боль.

Въ 1896 г. захворала мать, Ксенія В., готовилась къ смерти, хотѣла послать за докторомъ, но я, зная силу молитвы о. Евѳимія, упорно отказался идти за докторомъ и уговорилъ пригласить о. Евѳимія. Пошелъ за нимъ, а онъ уже идетъ мнѣ навстрѣчу со Св. Дарами. Пришелъ, зажегъ свѣчку, молился долго и горячо, исповѣдалъ и причастилъ больную. Потомъ снялъ свою нагрудку теплую, мѣховую, надѣлъ ее на больную и ведетъ ее за руку къ печкѣ. «Погрѣйся-ка, лучше будетъ.» На другой же день ей стало лучше, и она и теперь здравствуетъ.

Мѣсяца за два до смерти о. Евѳимія, приблизительно въ августѣ, мать моя видитъ, что о. Евѳимій какъ-то послѣ обѣдни идетъ по улицѣ и собираетъ камни направо и налево. Мать подумала, что это онъ чудитъ: зачѣмъ ему камни? Вдругъ онъ подошелъ къ нашему дому и началъ обкладывать камнями низъ подъ нижними бревнами. Ребята приближались и говорятъ: «бабушка, посмотри-ка, что дѣлаетъ о. Евѳимій!» Что Вы, батюшка, дѣлаете? спросила она его изъ окна. «Я, Аксинья Васильевна, желаю вамъ домъ здѣсь поставить, обкладку дѣлаю.» Потомъ ушелъ. Года черезъ два у насъ, дѣйствительно, построены новый домъ.

12-го Октября 1897 г., когда о. Евѳимій лежалъ въ гробу, у другой замужней сестры Евѳросини сильно заболѣло горло, образовался въ горлѣ нарывъ, — нельзя было ни ѣсть, ни пить. «Батюшка, о. Евѳимій, взмолилась она, ты къ намъ ходилъ, помогалъ намъ, училъ и лѣчилъ насъ, помолись за меня». Настала вечеръ. Больная тревожно заснула и видитъ во снѣ, что она моетъ полъ, во рту стало душно; она харкнула и выплюнула плевку. Болѣзнь прошла.

О своей смерти о. Евѳимій говорилъ еще лѣтъ за пять, но какъ-то загадочно. Когда ему кто-то грозилъ, что его хотятъ перевести куда-то на другое мѣсто, онъ сказалъ: «я не уйду, пока мнѣ отставки не дадутъ.» А когда отставка будетъ? спросилъ я. «Лѣтъ черезъ пять». А недѣли за двѣ

до смерти, когда онъ пришелъ покупать телѣгу, онъ сказалъ мнѣ: «Ну, Сереженька, мнѣ пришла отставка, слава Богу; благодарю Бога, мнѣ вышло 3,000 десятинъ вѣчной земли отъ казачковъ. Я заслужилъ ее». А куда Вы, батюшка, послѣ отставки? Молчить. Когда я собирался идти на святину (освященіе церкви въ Зарѣчной слободѣ) 5 октября, онъ мнѣ сказалъ: „ну, братецъ, ты идешь на святину, а я скоро пойду къ Отцу. Я за васъ буду Богу молиться“.

За годъ до кончины о. Евѳимій сказалъ одной женщинѣ Д. К. С-ой: «ты помни, что увидишь во ѿемѣ-то». А я, послѣ этого говорила она, видѣла во снѣ, будто нахожусь я въ Воскресенской церкви и вижу много священниковъ въ бѣломъ облаченіи, а о. Евѳимія не вижу. — Видѣла то, что пришлось потому видѣть при погребеніи.

Священникъ Николаевскаго рудника Томской губ. о. Петръ Серебренниковъ разсказалъ мнѣ слѣдующій случай изъ жизни о. Евѳимія. Въ 1885 г. прѣѣхалъ онъ въ Семипалатинскъ. О. Евѳимія онъ еще не звалъ, но слышалъ о немъ и хотѣлъ исповѣдаться у него, зашелъ поуту въ соборъ, а потомъ его затащили въ гости, гдѣ онъ посидѣлъ и закусилъ. О. Евѳимій встрѣтилъ его и потомъ подошелъ и шепчетъ ему на ухо: „исповѣдываться-то нужно на тощакъ“

Какъ-то съ женою мы прѣѣзжали, говорилъ о. Петръ, черезъ Талицы. Матушка сильно желала видѣть о. Евѳимія. Онъ служилъ въ то время въ часовнѣ. Мы послали мальчика, чтобы онъ у часовни караулилъ о. Евѳимія, а о. Евѳимій, выйдя изъ часовни, мимо мальчика прямо направился на нашу квартиру и поздоровался съ нами, поцѣловавъ матушку въ голову. Если Господу угодно прославить его, то... о. Петръ чего-то не договорилъ..

Въ чудесный день, средь милыхъ мѣстъ,
Гляжу съ глубокою тоскою
На бѣло-мраморный твой крестъ
И темный камень надъ тобою,
На камнѣ томъ немного словъ,
Душѣ и радостныхъ и скорбныхъ;
На томъ крестѣ вѣнокъ цвѣтовъ
Неувядающихъ надгробныхъ.
Сругомъ песокъ и двѣ тропы,
 близы алтарь живаго Бога:
 тѣ мѣсто, гдѣ почилъ ужъ ты,
 живь такъ ясно, сдѣлавъ много.
О, дай мнѣ хоть одинъ цвѣтокъ
Взять на твоємъ могильномъ кровѣ,
Дай отъ тебя мнѣ взять урокъ
И въ жизни и въ посмертномъ словѣ.

Гор. Семипалатинскъ.

Протоіерей Александръ Соловьевъ.